

Сексенбаева Г.

доктор исторических наук, доцент,
Казахский национальный университет им. аль-Фараби,
Казахстан, г. Алматы, e-mail: s.gulzira@mail.ru

СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ДЕТСТВО В 20-30-Е ГГ. В КАЗАХСТАНЕ

В казахстанской гуманитарной науке исследование повседневной истории детства является новым и неразработанным направлением. Научный интерес к изучению проблематики детства обусловлен сегодня повышенным вниманием к детству и детям в современном казахстанском обществе. Изучение и переоценка прошлого опыта в решении «детских» вопросов тех лет помогут нашему обществу строить современную стратегию развития идеологии, институтов, государственной политики в области детства.

С распадом Советского Союза историки постсоветского пространства чаще стали применять концепцию тоталитаризма в объяснении сущности «советского детства». Детские государственные учреждения, пионерская организация, комсомол и семья представлялись вполне успешными лабораториями по созданию нового социального вида «Homo Sovieticus». Дети оказывались главными подопытными в большом идеологическом эксперименте по созданию винтика тоталитарной машины. Однако «реальное» советское детство было гораздо разнообразнее, чем оно трактуется теорией тоталитаризма.

Цель статьи состоит в анализе проблематики советского детства в предвоенный период, сложившейся из государственных замыслов и повседневных практик детей и взрослых, устремлений центральных властей и их воплощения в Казахстане.

Здесь проанализировано советское детство эпохи сталинизма: становление идеологии и институтов Советского государства в области детства в 20-30-е гг. XX в., прослежено осуществление государственной политики в отношении детей в данный период в Казахстане; отражены социально-экономические трудности ее воплощения на практике.

Ключевые слова: государственная политика, советское детство, пионерская организация, коммунистическая идеология, идеологический эксперимент, советская модель «счастливого детства», тоталитарная машина, детская культура.

Seksenbayeva G.

Doctor of historical sciences, associate professor,
al-Farabi Kazakh National University,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: s.gulzira@mail.ru

Soviet governance and children of 20th-30th in Kazakhstan

The research of childhood history is new and undeveloped course in Kazakhstani humanitarian science. The scientific interest to research the childhood problems is caused by increased attention to children and childhood in modern Kazakh society. Research and evaluation of past experiences in childhood issues can help our modern society to build up the innovative strategy of ideology, institutes, and public policies development that relate to childhood field.

After the collapse of USSR the concept of totalitarianism was often used by post soviet historians in explanation of the term of «soviet childhood». Children's state institutions, pioneer's organizations, kom-somol and family performed as successful laboratories for creating the new social type «Homo Sovieticus». Children were the main experimental subjects in a big ideological experiment that was aimed to create the new mechanism of the big totalitarian machine. But the real soviet childhood was much more diverse than it was explained by totalitarian theory.

The objective of the article is to analyze the problems of the soviet childhood at the prewar period that were composed by political plans and daily habits of children and adults and also the goals of central governances and their activities in Kazakhstan.

The article studies the soviet childhood of the Stalinism epoch: development of the ideologies and institutes of Soviet state in the field of the childhood in 20th-30th of XX century. Also it shows the implementation of the state policy in relation to children in present period in Kazakhstan and reflects the social and economical obstacles in objectification of these plans and policies.

The ideological and institutional building of soviet model of «happy childhood» was completed in 1930th. Constantly and stage by stage every child of every gender, nationality or social class was involved into all levels of socialization: kinder gardens and schools that made an ideologically prepared citizen. Materialistic and symbolic spheres of childhood culture such as literature, theatre and cinema was directed to make more fast and easy perception of official social norms, roles and values that were intruded by communist ideology.

Key words: state policy, soviet childhood, pioneer's organization, communist ideology, ideological experiment, soviet model of «happy childhood», totalitarian machine, level of socialization, childhood culture.

Сексенбаева Г.

тарих ғылымдарының докторы, доцент,
Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті,
Қазақстан, Алматы қ., e-mail: s.gulzira@mail.ru

Қазақстандағы 20-30-шы жылдардағы кеңес мемлекеті және балалық шақ

Қазақстандық гуманитарлық ғылымдарда балалық шағының күнделікті тарихын зерттеу жаңа және әлі де зерттелмеген бағыт болып табылады. Балалық шақ проблемаларын зерттеуге ғылыми қызығушылықтың туындауы қазіргі заманғы қазақстандық қоғамдағы балалар мен балалық шаққа деген назарларын аударуымен байланысты. Сол жылдардағы «балалық» мәселелерді шешудегі бұрынғы тәжірибені зерделеу және қайта қарау қоғамдағы идеологияны, институттарды және балалық саласындағы мемлекеттік саясатты дамытудың заманауи стратегиясын құруға көмектеседі.

Кеңес Одағы ыдыраған кезде посткеңестік кеңістіктегі тарихшылар тоталитаризм тұжырымдамасын жиі қолданып, «кеңестік балалық шақтың» мәнін түсіндіре бастады. Балалар мемлекеттік мекемесі, пионер ұйымы, комсомол және отбасы жаңа әлеуметтік типті «Номо Sovieticus» құру үшін өте табысты зертханалар болып көрінді. Балалар тоталитарлық машинаның дөңгелін жасауда үлкен идеологиялық тәжірибеде негізгі эксперимент болып табылды. Алайда, «нақты» кеңестік балалық шақ тоталитаризм теориясына қарағанда әлдеқайда әртүрлі болды.

Мақаланың мақсаты соғыстың алдындағы кезеңдегі балалар мен ересектердің мемлекеттік жоспарлары мен күнделікті тәжірибелерінен, орталық биліктің ұмтылысынан қалыптасқан кеңестік балалардың проблемаларын талдау және олардың Қазақстанда жүзеге асырылуын көрсету.

Бұл жерде сталиндік дәуірдің кеңестік балалық шағы талданады: XX ғ. 20-шы және 30-шы жылдардағы балалық шақтағы кеңестік мемлекеттің идеологиясы мен институттарының қалыптасуы, осы кезеңдегі балаларға қатысты мемлекеттік саясаттың жүзеге асырылуы, оның іс жүзінде жүзеге асырылуының әлеуметтік-экономикалық қиындықтары қарастырылады.

Түйін сөздер: мемлекеттік саясат, кеңестік балалық шақ, пионер ұйымы, коммунистік идеология, идеологиялық эксперимент, «бақытты балалық шақтың» кеңестік моделі, тоталитарлық машина, балалар мәдениеті.

Введение

Октябрьская революция 1917 года в России изменила не только систему колониального правления в Казахстане, но и общественные институты со всеми его ответвлениями: экономическими, социальными, культурными. В Казахстане, как части Советской России, началось создание нового, основанного на социалистических началах, общества.

Первые мероприятия советской власти обозначили новый подход к детям как будущим активным участникам коммунистического строительства, всестороннее воспитание которых объявлялась задачей государственной важности. Советская власть справедливо видела в подрастающем поколении свою опору. Дети легко усваивали новые ценности, в отличие от взрослых, которых надо было перевоспитывать. В отношении детей культурные проекты о «новом

человеке» уже в ближайшем будущем могли воплотиться в жизнь. По этой причине в 1920-е гг. формировалась концепция «нового» человека, вырабатывались средства и методы его воспитания.

Концепция «нового человека» формировалась в русле задач коммунистического строительства, и семья для большевиков представлялась ненадежным институтом воспитания, поэтому теоретики советской школы особое внимание уделяли разработке проектов общественного воспитания. Н. К. Крупская писала: «Дело воспитания подрастающего поколения – не только дело родителей, не только дело учителей – это дело всех трудящихся, всего революционного народа (Крупская, 1957: 67).

Большевики стремились сформировать институт общественного воспитания, для чего в массовом порядке открывались государственные детские дошкольные учреждения и учебные заведения. В 1918 г. был создан Народный комиссариат просвещения – Наркомпрос, который возглавил всю работу по реорганизации сферы детства. Первым наркомом просвещения был А.В. Луначарский. Стали разрабатываться важнейшие теоретические проблемы народного образования, общая стратегия развития советской школы. Луначарский был сторонником политехнической трудовой школы. Политехнизация образования понималась Луначарским как триединая программа: труд как предмет изучения, труд как воспитательное средство, труд как участие подростков и детей в общем трудовом процессе, в котором было занято взрослое население (Сборник..., 1958: 46). Однако на практике у советских ученых отсутствовало четкое понимание того, как воплотить этот и другие проекты в жизнь. Марксистско-ленинское учение только закладывало методологическую и теоретическую основу для разработки основных проблем обучения и воспитания детей, а его базовые понятия (коммунистическая мораль, нравственность, воспитание и пр.) были весьма расплывчатыми. Советская педагогика как таковая отсутствовала, и вопросы, которые большевиками теоретически не были проработаны, решались нередко путем заимствования у зарубежных ученых. В период с 1918 по 1929 годы Наркомат просвещения руководствовался в практике создания советской школы теорией о прагматизме, посредством спонтанного развития ребенка американского педагога Д. Дьюи.

К концу 1920-х гг. идеи свободного воспитания окончательно вытесняются представи-

ями о плановом, унифицированном воспитании детских коллективов. В 1930-е гг. основными задачами советской педагогики становится воспитание послушных и дисциплинированных членов нового общества. Пропаганда «счастливого» советского детства воплотилась в знаменитом лозунге середины 1930-х гг.: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!».

Дети в политической жизни страны

Программа государственных реформ в области общественного воспитания была сформулирована в постановлениях ЦК ВКП (б) от 25 июля 1930 г., ЦИК и СНК СССР от 14 августа 1930 г. «О всеобщем обязательном начальном обучении», когда с 1930/1931 учебного года было введено повсеместное всеобщее обязательное начальное обучение детей в возрасте 8-15 лет в объеме четырехлетнего курса начальной школы (Народное образование..., 1974: 111).

Для осуществления всеобщего обязательного начального обучения предполагалось увеличение бюджетных денег, привлечение хозяйственных, профсоюзных, кооперативных и других общественных организаций, а также широких масс к финансированию всеобщего обучения, а также к строительству, ремонту и оборудованию начальных школ.

Таким образом, открывался новый этап по вовлечению подрастающего поколения в орбиту государственного влияния. Школьные преобразования, проводившиеся в первой половине 1930-х гг., привели к формированию унифицированной и политизированной системы начального и среднего образования. Бурно развивавшаяся советская промышленность требовала не экспериментаторского, а систематизированного обучения в естественных науках и математике. По этой причине главным лозунгом школьных реформ стало приведение школьной жизни в соответствие с задачами социалистического строительства.

Был принят ряд постановлений ЦК ВКП(б) «О начальной и средней школе» 1931 г., «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе» 1932 г., «Об учебниках для начальной и средней школы» 1933 г., постановления СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР», «О структуре начальной и средней школы в СССР» 1934 г., «Об организации учебной работы и внутреннем распорядке в начальной, неполной средней и средней школе» 1935 года, которые

установили единый тип общеобразовательных школ. Кроме того, над содержанием и методами преподавания в школе вводился жесткий централизованный контроль. Унифицированные учебники, идеологизация и политизация общественных предметов, утверждение урока с группой учащихся постоянного состава со строго определенным расписанием занятий как основной формы учебной работы способствовали стандартизации образовательного процесса.

В советской школе стала безраздельно царить «педагогика» – дисциплина, выдвинувшая своих авторитетов – Ушинского, Макаренко и Сталина.

Центральной фигурой процесса обучения стал учитель, который получил неограниченную власть в классе и на уроке. В большей степени этому способствовало подготовка «новых кадров работников просвещения, проникнутых идеями коммунизма». К тому моменту, когда эта задача, в основном, была решена, роль советского педагога нового формата, проводника коммунистической идеологии, значительно возросла. Главными педагогическими требованиями стали выполнение правил субординации, повиновение старшим. Таким образом, в новой советской школе воспитательные задачи доминировали над образовательными.

Детей приучали к подчинению взрослым, дисциплине и послушанию. Советский педагог А.С. Макаренко уже в конце 1920-х гг. начал разрабатывать эти идеи, но они повсеместно стали пропагандироваться только в начале 1940-х гг. Обращение к идеям Макаренко в 1940-е гг. связано с прагматическим заказом советского государства на дисциплинированных работников, в которых нуждалась советская милитаризованная экономика. Соответственно в годы сталинизма революционный идеал активной гармонично развитой личности оказался не востребован. Повсеместно утверждался постулат о целях практической педагогики. Она должна была исходить из политических задач социалистического строительства.

Если в 1920-е годы идеализировался активный и самостоятельный ребенок, то с середины 1930-х годов ребенок представлялся послушным и признательным подданным советской власти. По мнению английской исследовательницы по истории детства К. Келли, эти изменения прослеживаются в образах детей-героев. Детская активность всех видов приспособилась к правилам строгой субординации, подчиняясь власти взрослых. Появился литературный персонаж

А. Гайдара – мальчик Тимур, в образе которого внедрялся один из образцов успешной советской социализации (Келли, 2004:385,405). При этом гендерные идеалы эгалитаризма в воспитательной практике 1920-х гг. все больше отходили на второй план. Если ранее поощрялось стремление девочек встать вровень с мальчиками и не уступать им в распределении престижных социальных ролей, то в 1930-е гг. в отношении девочек делается акцент на их «пассивной покорности». В целом гендерные представления о детях соответствовали официальной гендерной идеологии 1930-х гг., которая колебалась от попыток отождествления женщин с мужчинами до мобилизации традиционных женских качеств (склонности к воспитанию детей, хозяйственности) на благо социалистического общества.

В утверждении перемен, произошедших в восприятии детства, советской семье отводилась огромная роль. С начала 1930-х гг. все больше распространялись идеи о том, что именно она должна взять на себя основные функции в воспитании дисциплинированных и законопослушных режиму граждан. Такое понимание семьи, в отличие от других большевистских проектов, меньше всего соответствовало идеям коммунистического воспитания. Ведь десятилетием ранее семья критиковалась как источник буржуазного, мещанского влияния на подрастающее поколение. Однако перемены в восприятии советской семьи были вызваны рядом объективных причин и воплотились в пересмотре семейного законодательства.

По постановлению ЦИК и СНК от 27 июня 1936 г. запрещались аборты, увеличивалась материальная помощь роженицам, устанавливалась социальная льгота многодетным, расширялось количество родильных домов, детских яслей и детских садов.

Одним из главных доводов в пользу государственной поддержки семьи и материнства стала непростая демографическая ситуация в стране. В условиях конкуренции с капиталистическими странами многочисленное и дисциплинированное население рассматривалось основной мощью государства. Среди других причин следует назвать слабо развитую сеть дошкольных детских учреждений, не способную освободить женщину от домашних обязанностей, последствия прежней «антисемейной» политики и распространения идеологии женской эмансипации.

Укрепление семьи, призванное стабилизировать советский строй, не означало возвращения к традиционной семье. Основными целями

советской семьи провозглашались увеличение рождаемости и воспитание детей в дисциплине и послушании, любви к коммунистическим ценностям.

При этом государство не давало семье автономии. По постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» от 31 мая 1935 г. усиливалась ответственность родителей за безнадзорность (озорство и уличное хулиганство) детей. Правительство предоставляло органам милиции право штрафовать родителей в административном порядке в пределах до 200 рублей (Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) 31 мая 1935 г.). А до наступления совершеннолетия ребенка – 18 лет, советское законодательство требовало от родителей или усыновителей, опекунов, попечителей обеспечить надлежащее воспитание своих детей. Невыполнение этих обязанностей могло повлечь применение предусмотренных законом принудительных мер (лишение родительских прав, отстранение от обязанностей опекуна, попечителя и помещение ребенка в детский дом).

Поскольку семья представлялась не совсем надежным институтом воспитания, к тому же не способным полностью самостоятельно решить поставленные перед ней государственные задачи, большевики «бросили» огромные силы на создание разветвленной институциональной структуры «советского детства». Она должна была взять на себя основную нагрузку по социализации советского ребенка, управлять его «уходом» из семьи. Предполагалось, что в новых институтах дети смогут усвоить официально признанные нормы, роли, идентичность, развить чувство субординации.

Особое внимание уделялось организации общественных организаций детства. Детские (пионерские) и юношеские (комсомольские) организации выполняли важнейшие функции института общественно-политического воспитания. Первоначально руководство ими сосредотачивалось в ЦК РКСМ. Состоявшаяся в Москве II-я Всероссийская конференция РКСМ 19 мая 1922 года приняла резолюцию о детском движении и применении в нем реорганизованной системы «скаутинг». Учитывая опыт Московской организации, конференция постановила распространить этот опыт на тех же основаниях и на другие организации РКСМ под руководством ЦК» [Басов, 1984:54,55]. Была поставлена задача по формированию детского движения и подчинению любых его форм именно коммунистическому детскому движению.

Резолюция положила начало распространению детского коммунистического движения в форме юных пионеров. Началось создание детских коммунистических групп по всей стране. V съезд комсомола, состоявшийся 11-17 октября 1922 года, уже более четко сформулировал цели, задачи пионерского движения, утвердил организационную структуру, принципы деятельности. Съезд принял документы, определившие основные направления пионерской работы – «Горжественное обещание юных пионеров», «Законы юных пионеров», «Основные элементы программы юных пионеров» (Документы ЦК КПСС и ЦК ВЛКСМ..., 1970).

По решению съезда, в основу детского движения, охватывающего подростков 10-14 лет, должно было быть положено приучение детей социальной активности, общественному труду, стремлению к классовому идеалу, и к знаниям. Пионерское движение было подчинено тем же целям, что и вся советская педагогика в целом – всесторонняя подготовка активных участников коммунистического строительства.

В Казахстане пионерское движение развивалось медленней, чем в центральных регионах России. Коммунистам и комсомольцам, создававшим здесь первые пионерские отряды, приходилось преодолевать сильное влияние национальных традиций, норм ислама. Ношение пионерской формы казалось здесь неприличным. Девочек среди пионеров в первое время почти не было, по национальным обычаям их очень рано выдавали замуж. Создание пионерских отрядов в Казахстане затруднялось и кочевым образом жизни скотоводов: возникавшие пионерские отряды быстро распадались.

Первые пионерские отряды в Казахстане появлялись в крупных городах и преимущественно состояли из детей местных русских рабочих. Одним их первых отряд пионеров имени Спартака собрался 19 ноября 1922 года в Петропавловске. Однако, создание аульных отрядов юных пионеров в ряде мест началось лишь с конца 1924 года. Постепенно в пионерское движение втягивались и казахские дети.

После смерти В. И. Ленина 21 января 1924 года началось объединение детских коммунистических групп в единую организацию. Экстренный пленум ЦК РКСМ 23 января 1924 года постановил: «Переименовать существующие в СССР детские коммунистические группы пионеров имени Спартака в «Детские коммунистические группы юных пионеров имени товарища Ленина» [Всесоюзная пионерская

организация..., 1981:26]. Коммунистическое детское движение стало носить по всему СССР единое название – Детская Коммунистическая организация имени В. И. Ленина (юных пионеров). Это было необходимо так как «только при этом условии детское движение может развиваться как единая коммунистическая организация с определенным регулируемым содержанием работы и социальным составом» (Товарищ комсомол..., 1969:155).

Таким образом, 1924 год стал поворотным моментом, прежняя организационная пестрота и разнообразие детского движения окончательно изжились. Это движение приняло форму организации, т.е. с этого времени все многообразие деятельности детей ограничивалось рамками пионерской организации.

К концу 1920-х гг. одновременно с унификацией образования начался новый этап его идеологизации. Стали превалировать идеи слияния пионерской организации со школой. Официально это было подтверждено постановлением ЦК ВКП(б) 1932 г. «О работе пионерской организации (к десятилетию пионерской организации)», в котором пионеры призывались на «борьбу за качество учебы в школе, за овладение основами наук, за укрепление сознательной дисциплины в среде детей и в особенности в школе» (Директивы и документы..., 1962:47).

Дети в культурной жизни страны

Детское кино, театры для детей, детская литература составляли ещё одну часть институционализованного сектора советского детства. Формируя его вербальную и визуальную символику, они рассматривались в качестве не менее эффективных проводников коммунистической идеологии. Впервые в Советском Союзе возникла целая индустрия детского кино. Уже с 1924 г. началось регулярное производство детских фильмов. В 1936-1948 гг. в Москве работала киностудия «Союздетфильм», являвшаяся центром советской детской кинематографии. В 1936 г. была создана студия «Союзмультфильм», выпускавшая мультипликационные фильмы для детей.

Запросы детского зрителя, под строгим контролем цензуры, удовлетворяли специальные театры для детей. Власти ставят задачи перед детскими театрами, где лучшие писатели страны должны создавать для них новые пьесы, а большие художники сцены – посвятить целиком свое творчество маленьким.

Детская литература занимала особое место в «коммунистическом воспитании» подрастающего поколения. Она становится объектом тщательного контроля и идеологического манипулирования. На протяжении десятилетий из круга детского чтения изымались неудобные, по мнению цензоров, тексты. Литература, адресованная «будущим строителям коммунизма», всегда была объектом особенно пристального и настроенного внимания. Уже в первой инструкции верховного цензурного ведомства – Главлита, созданного в 1922 г., цензорам предписывалось «из детской и юношеской литературы разрешать к изданию лишь литературу, способствующую коммунистическому воспитанию». Особую роль в развитии детской и юношеской печати в СССР сыграло постановление ЦК ВКП (б) «Об издательстве «Молодая гвардия»» от 29 декабря 1931 г., в котором издание детских книг и их содержание должны были отражать «социалистическую переделку страны и людей, воспитывающих детей в духе пролетарского интернационализма». В связи с этим постановлением известный советский писатель А.М. Горький в 1933 г. поместил в «Правде» статью, в которой ставил вопрос об организации специального издательства детской литературы. В сентябре 1933 г. возникает специальное детское издательство Детгиз. В результате продолжилась идеологизация детской литературы и централизация надзора за «детским» издательством и чтением.

Отдельное место в системе воспитания «советской» культуры чтения отводилось работе детских библиотек. Они должны были вместе со школой и общественно-политическими организациями формировать детский читательский вкус. К концу 1920-х гг. интерес к читателю-ребенку сместился от его изучения к воздействию. Идеологическая тематизация литературы в библиотеке накладывалась и на школьную программу. Безусловно, это способствовало быстрому наполнению детского и подросткового сознания идеологическими клише.

Те же цели преследовали многочисленные детские журналы: «Ёж», «Чиж», «Мурзилка», «Дружные ребята», «Костёр» и др. Но и эти журналы находились под пристальным вниманием цензурных органов и неоднократно подвергались критике. Огромный поток детской печати самого разного направления управлялся «сверху». Это подтверждают резолюция XIII съезда РКП (б) «О печати» (1924), постановление ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по улучшению юношеской и детской печати» (1928), «О пио-

нерских печатных газетах», «Письмо о пионерских газетах» (все в 1925), «О новых детских газетах» (1934), «О детских газетах» (1935). В них определялись цели, задачи и формы работы детских редакций.

К этой же (советской модели детства) модели относится формирование карательной системы, которая в зависимости от целей и задач могла выполнять функцию не только наказания, исправления, перевоспитания детей и подростков, оказывавшихся за бортом «советского детства», но и профилактики, охраны существующей модели от любых дезинтегрирующих элементов. В январе 1921 г. была создана Комиссия по улучшению жизни детей при ВЦИК (Деткомиссия при ВЦИК), её председателем был назначен Ф.Э. Дзержинский. Он распорядился мобилизовать на борьбу с детской беспризорностью практически весь аппарат ВЧК и создать вместе с органами, отвечающими непосредственно за детей, и широкой общественностью местные отделения Деткомиссии ВЦИК. В течение 1920-30-х гг. Деткомиссия контролировала, координировала деятельность всех государственных учреждений и организаций, ведущих борьбу с детской беспризорностью.

Для борьбы с массовой беспризорностью, преступностью создавались специальные детские учреждения, управление которыми распределялось между Наркоматом просвещения, Наркоматом здравоохранения, Наркоматом социального обеспечения, Наркоматом Внутренних дел СССР. К их числу относились детские дома различных типов, изоляторы, трудовые колонии, приемники-распределители. Репрессивно-карательная система борьбы с беспризорностью, преступностью детей формируется с постановлениями ЦИК и СНК СССР, ЦК ВКП (б) «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних», «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» 1935 г.

Профилактические работы передавались силовым структурам, повышалась ответственность должностных лиц и родителей за воспитание детей, самих подростков за асоциальное поведение. С этого времени подростки, начиная с 12 лет, могли привлекаться к уголовному суду с применением всех мер уголовного наказания за кражи, причинение насилия, телесных повреждений, увечий, убийства или попыток к убийству. Такие жесткие санкции к детям, совершившим преступления, должны были стать «мерой воспитательной по отношению к другим детям.

Заключение

Институциональные формы все больше охватывали сферу «советского детства» в 1920-1930-е гг. Сталинская модель советского детства приобрела общие очертания, уже к середине 1930-х гг., стремясь одновременно расширить пределы, всесторонне воздействовать на подрастающее поколение. Вместе с этим все больше идеологизировались представления о советских детях, как о всесторонне развитых членах коммунистического общества во главе с бессменным вождем. Политизация жизни советского общества в 1930-е гг. отражалась на «советском детстве». Вся модель была пронизана коммунистической идеологической пропагандой, культом Сталина. Фигуры Сталина и Ленина для советского детства эпохи сталинизма очень символичны. Преданность вождям даже у детей отождествлялась с верностью коммунистическим идеям. В их образах концентрировалась максимальная государственная забота в отношении детей, позволявшая ребенку воспринимать окружающий мир большой советской семьей во главе с мудрым и справедливым отцом народов.

Таким образом, в конце 1920 – начале 1930-х гг. представления о «новом человеке», соответственно о методах и стиле его воспитания, меняются. Советскому государству с началом сталинской «культурной революции», «Великого перелома» в политике партии стали требоваться не активные, самостоятельные, гармонично развитые «абстрактные» строители нового общества, а дисциплинированные, законопослушные и преданные граждане.

Советская власть превратила детство в сферу особого государственного интереса, справедливо полагая, что в ребенке можно воспитать те качества и навыки, которые больше всего значимы для строительства социализма. В первое послереволюционное десятилетие целью практически всех проектов детства являлось формирование «нового» советского человека. Однако на практике у большевиков отсутствовало четкое понимание того, как воплотить эти проекты в жизнь. Поэтому образ активного маленького строителя нового общества постепенно корректировался вместе с политическим, социально-экономическим развитием государства и общества. В 1920-е гг. начинает формироваться разветвленная институциональная сеть детства, предполагавшая охватить все этапы и сферы детской жизни.

Экспериментирование средств и методов воспитания детей прекратилось к концу

1920-х гг., когда бурно развивающаяся социалистическая экономика стала нуждаться в дисциплинированных, законопослушных и грамотных кадрах. Для сталинского политического режима воспитание в ребенке таких черт, как революционная активность и самостоятельность, становилось социально менее значимыми.

В 1930-е гг. происходит идеологическая и институциональная доработка модели советского «счастливого детства». Поэтапно и непрерывно, независимо от пола, национальной, социальной принадлежности, ребенок должен был пройти все ступени социализации: детские сады и ясли, где профессионалы следили бы за всесторонним его развитием; школу и общественно-политические организации, где он превращался бы в грамотного идеологически подготовленного

гражданина. Развитая материальная, символическая культура детства (литература, театр, кино) должна была способствовать более легкому и быстрому усвоению официально принятых норм и ценностей, ролей, навязывавшихся коммунистической идеологией. Семье в этой модели детства отводилось важное место, поскольку она должна была разделить с государством функции по воспитанию детей, однако государственные органы контролировали этот процесс и в любой момент могли изъять детей из семьи, если родители не справлялись со своими обязанностями.

Ни в годы войны, ни в послевоенный период сущность государственных проектов «детства» кардинально не изменилась, поэтому в последующий период модель советского детства лишь корректировалась и обновлялась.

Литература

- Басов Н. Ф. (1984). Практикум по истории ВЛКСМ и Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина Москва. Документы ЦК КПСС и ЦК ВЛКСМ о Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина (1970). Москва. Директивы и документы по вопросам пионерского движения (1962) / Ред. В.Г.Яковлев; сост. В.С.Ханчин. Москва. Всесоюзная пионерская организация имени В. И. Ленина (1981). Москва. Крупская Н. К. (1957). Избранные педагогические произведения. Москва. Келли К. (2003). «Хочу быть трактористкой!» (Гендер и детство в довоенной советской России). Москва. Народное образование в СССР: общеобразовательная школа: сборник документов (1974). Москва. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) 31 мая 1935 г. (СЗ СССР 1935 г. № 32, ст.252). URL: <http://istmat.info/node/24022> (дата последнего обращения 13.02.2013). «А. В. Луначарский о народном образовании»: Сборник документов (1958). Москва. Товарищ комсомол. Документы съездов, конференций и ЦК ВЛКСМ (1918- 1968). -Т. 1 (1918-1941). (1969). Москва.

References

- Krupskaya NK Selected Pedagogical Works (1957). Moscow. Collection of documents «A. V. Lunacharsky on public education» (1958). Moscow. Public education in the USSR: comprehensive school: a collection of documents (1974). Moscow. Kelly K. «I want to be a tractor driver!» (Gender and childhood in pre-war Soviet Russia) (2003). Moscow. Decree of the Council of People's Commissars of the USSR and the Central Committee of the CPSU (B) on May 31, 1935 (NW of the USSR in 1935 No. 32, Article 255). URL: <http://istmat.info/node/24022> (last accessed on February 13, 2013). Basov NF Practical work on the history of the Komsomol and the All-Union Pioneer Organization named after VI Lenin (1984). Moscow. Documents of the Central Committee of the CPSU and the Central Committee of the Komsomol on the All-Union Pioneer Organization named after Lenin (1970). Moscow. All-Union Pioneer Organization named after V. I. Lenin (1981). Moscow. Comrade Komsomol. Documents of congresses, conferences and the Central Committee of the Komsomol (1918-1968). – T. 1 (1918-1941). (1969). Moscow. Directives and documents on the pioneer movement. (1962)/ Ed. V.G.Yakovlev; comp. V.S. Khanchin Moscow.